

Утро, семь часов пятьдесят минут. Солнечный свет, обладающий какой-то кристальной чистотой, пробивался сквозь высокие арочные окна старинной лекционной аудитории экономического факультета Университета Цинбэй, оставляя яркие блики на слегка потертом темно-красном полу.

Воздух был пропитан смесью запахов старых книг, меловой пыли и самой юности. В огромном зале, рассчитанном на сотню человек, было занято уже процентов семьдесят мест. Тихий гул разговоров, шелест страниц и жужжание запускаемых ноутбуков сплетались в характерную предваряющую лекцию симфонию.

Фан Синхэ сидел на третьем ряду у прохода. Это было его привычное место: достаточно близко к кафедре, чтобы отчетливо слышать преподавателя, и удобно, чтобы быстро уйти после пары.

Солнечный луч как раз упал на раскрытый учебник по промежуточной микроэкономике и тетрадь, края которой были исписаны плотными заметками. Фан Синхэ слегка нахмурился, его пальцы машинально и быстро крутили дешевую шариковую ручку, которой он пользовался уже три года — колпачок давно треснул, но заменить её он не решался. Всё его внимание было приковано к профессору Лю, стоявшему у доски.

Профессор Лю был одним из ветеранов экономического факультета, известным своим строгим подходом к науке, глубоким мышлением и требовательностью.

Ему было под шестьдесят, волосы поседели, но взгляд оставался острым, а голос — зычным. Каждая его лекция была невероятно информативной, без капли воды. Сегодняшняя тема — Границы рыночных провалов и государственного вмешательства — была глубокой теоретической проблемой с огромным практическим значением.

— Итак, мы должны четко понимать: при наличии отрицательных внешних эффектов, например, загрязнения окружающей среды, — профессор с нажимом вывел мелом на доске три слова: отрицательные внешние эффекты, — простой рыночный механизм, пущенный на самотек, не способен достичь оптимального распределения ресурсов. Мы оказываемся слишком далеко от состояния Парето-оптимальности. И тогда, следуя классической теории Пигу, вмешательство государства — введение налога для загрязняющих предприятий в размере предельных внешних издержек, так называемого налога Пигу, — кажется прямым решением.

Он сделал паузу и обвел взглядом аудиторию, словно прожектором, вглядываясь в молодые и пока еще неопытные лица.

— А теперь я хочу спросить вас: считаете ли вы, что введение налога Пигу — это единственный путь решения подобных рыночных провалов? Или же он является оптимальным выбором в любой ситуации?

В аудитории воцарилась короткая тишина. Большинство студентов еще пытались переварить поток понятий: рыночный провал, отрицательные внешние эффекты, Парето-оптимальность,

налог Пигу. Абстрактные теории требовали времени, чтобы уложиться в голове. Кто-то уткнулся в учебники, кто-то переглядывался с соседями, а кто-то просто отключился, ожидая, пока профессор сам даст ответ.

В этот момент чья-то рука уверенно поднялась вверх, прочертив четкую траекторию в чуть спертом воздухе. Это был Фан Синхэ.

Глаза профессора Лю за стеклами очков блеснули, в них промелькнуло едва заметное одобрение.

У него сложилось глубокое впечатление об этом студенте из небогатой семьи, который всегда сидел в первом ряду, смотрел ясно и сосредоточенно, а конспекты вел с безупречной точностью. Среди его учеников были талантливые, были выходцы из академических династий, но такие, как Фан Синхэ, сочетавшие в себе почти отчаянное трудолюбие с интуитивным пониманием экономики, встречались редко.

— Хорошо, студент Фан Синхэ, — профессор приподнял руку, приглашая его к ответу. — Изложите свои соображения.

Фан Синхэ поднялся. Он был худощав, одет в выцветшие джинсы и простой серый свитер, но держался прямо.

Сначала он слегка кивнул профессору в знак уважения, а затем заговорил. Голос его не был громким, но звучал необычайно четко, уверенно и с несвойственным его возрасту хладнокровием:

— Профессор Лю, я считаю, что введение налога Пигу — это важный подход к борьбе с отрицательными внешними эффектами, однако рассматривать его как единственный или всегда оптимальный вариант — значит игнорировать сложность реального мира.

Начало было положено, суть схвачена. Шепот в аудитории стих, всё больше глаз устремлялось на него.

Он сделал небольшую паузу, собираясь с мыслями, и продолжил:

— Во-первых, с технической точки зрения, крайне сложно, если вообще возможно, точно измерить внешние эффекты, особенно предельные социальные издержки, вызванные загрязнением среды или ущербом здоровью, и выразить их в денежном эквиваленте. Асимметрия информации повсеместна, и государственным органам трудно получить абсолютно точные данные для установления идеальной налоговой ставки. Слишком высокий налог чрезмерно подавит производство, может задушить инновации или привести к бегству предприятий за рубеж. Слишком низкий — не исправит ситуацию, и мера станет формальностью. Это само по себе звено, где может произойти провал государства.

Он сослался на пройденный материал и развил мысль:

— Во-вторых, как мы уже изучали, любой налог сам по себе может привести к новым рыночным искажениям и породить омертвевшие издержки. Пытаясь исправить одно искажение, налог Пигу может создать другое. Например, налог может быть переложен предприятиями на потребителей или нанести непропорционально сильный удар по конкретной отрасли.

Затем он сменил тон, упомянув другую классическую теорию:

— В определенных ситуациях, например, при четком определении прав собственности и небольшом количестве участников, теорема Коуза может предложить иной путь. Через рыночные переговоры и добровольные сделки, закрепление прав собственности может оказаться эффективнее принудительного государственного налогообложения, а общие социальные издержки — ниже.

Увидев ободряющий взгляд профессора, он глубоко вдохнул и высказал ядро своего размышления:

— Поэтому я думаю, что ключ не в поиске универсальной панацеи, которая подошла бы всем. Гораздо важнее анализировать каждую проблему конкретно и взвешивать плюсы и минусы различных инструментов политики. Помимо налогов, существуют варианты: государственное регулирование, установление стандартов выбросов, создание рынков торгуемых квот на загрязнение или даже воспитание социальных норм через просвещение. Часто в решении сложных проблем с внешними эффектами комбинация нескольких инструментов может оказаться гибче и эффективнее, чем слепая надежда на один лишь налог Пигу, и это больше соответствует потребностям реального управления.

Его речь была последовательной и логичной. Он не только указал на практические ограничения классической теории Пигу, но и противопоставил ей теорему Коуза, в итоге выйдя на уровень комплексного управления. Это продемонстрировало глубину и широту мышления, выходящую далеко за рамки учебника.

В аудитории несколько секунд стояла тишина, а затем послышался приглушенный гул обсуждений.

Многие студенты теперь смотрели на Фан Синхэ иначе — с удивлением, восхищением и задумчивостью. Сидевший рядом с ним Линь Хао, его сосед по комнате в стильной спортивной куртке — они были из разных миров, но ладили неплохо, — легонько толкнул его локтем и прошептал с привычной шутливой интонацией:

— Ну ты даешь, Синхэ! Логика железная, ссылки на классиков — опять ты блеснул перед стариком Лю. Спорим, ты уже и главные вопросы к промежуточному экзамену себе выделил?

Линь Хао был из обеспеченной семьи, учился на смекалке и относился к Фан Синхэ как к типичному ботанику с оттенком зависти, но без злобы.

Фан Синхэ слегка повернул голову, едва заметно улыбнулся Линь Хао и покачал головой, ничего не ответив. Он вернул внимание к своей тетради, взял ручку и быстро записал ключевые слова своего выступления и возможные замечания профессора. Только здесь, на лекции, в столкновении знаний и логических споров, он мог на время забыть о жизненных трудностях, шуме бара и той угрозе, что таилась в темноте.

Здесь единственным мерилom была глубина мысли и уровень знаний. Это чувство признания и уважения, добытое собственным интеллектом, было его крепостью против давления реальности и единственным надежным путем, в который он верил: изменить свою судьбу собственным трудом.

На кафедре профессор Лю довольно кивнул и поднял руку, призывая к тишине. Его взгляд, обращенный к Фан Синхэ, стал еще теплее:

— Превосходно! Рассуждения студента Фан Синхэ очень глубоки и бьют в самую суть проблемы!

Он повернулся ко всему классу, его голос зазвучал громче:

— Что такое экономика? Это не догма, заставляющая вас зубрить кривые и теоремы! Она развивает образ мышления, мудрость, позволяющую взвешивать и выбирать в реальности, где ресурсы ограничены, информация неполна, а цели многообразны. Студент Фан Синхэ только что продемонстрировал такой подход — не следовать слепо за авторитетами, видеть границы применимости теории, учитывать реальные ограничения, такие как информация и исполнение. Именно таким и должно быть отношение к изучению экономики! После занятий размышляйте больше, обсуждайте больше, берите пример с Фан Синхэ!

Одобрение профессора, словно теплый поток, на миг разогнало холод в душе Фан Синхэ. Он крепче сжал ручку, кончик которой зашуршал по грубой бумаге — тихо, но уверенно. Это было его поле битвы, одна из немногих областей, которые он мог контролировать.

<http://bllate.org/book/19580/1920022>